

А. А. Белов

**ЛЕКСЕМА «ЗНОЙ» В МИНИМАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ:
СЕМАНТИКА ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ СОЧЕТАНИЙ
(на материале стихотворений Ф. И. Тютчева)**

*Работа представлена кафедрой русского языка и общего языкознания
Череповецкого государственного университета.*

Научный руководитель - кандидат филологических наук, профессор Р. Л. Смулаковская

Анализ функционирования лексем даже в самом минимальном контексте позволяет выявить их существенные семантические свойства. Данная статья посвящена изучению семантики лексемы «зной» в составе предложно-падежных сочетаний «от зноя» и «на зное» (на материале поэтических текстов Ф. И. Тютчева).

The analysis of lexemes makes it possible to reveal their essential semantic properties even in the most minimal context. The article is devoted to studying of semantics of the lexeme «heat» («зной») in the structure of combinations «from heat» («от зноя») and «at heat» («на зное») presented in F. Tyutchev's poetry.

При анализе поэтического текста исключительно важным оказывается учет контекстного употребления лексем, рассмотрение их дистрибуции и сочетаемости. Дистрибутивный компонент анализа предполагает выявление основных контекстов, в которых встречается та или иная языковая единица. Анализ же сочетаемости, в нашем понимании, заключается в описании тех семантических или других свойств, которые реализуются данной языковой единицей в выявленных контекстах. Выделение в составе контекстуального анализа двух последовательных этапов позволяет более четко структурировать как процесс исследования, так и получаемые в ходе этого процесса результаты.

Степень широты контекста при контекстуальном анализе может быть различна. Поэтическое слово существует в контексте поэтического языка в целом, в контексте поэтического языка определенной эпохи, в контексте всех произведений конкретного автора, в контексте цикла стихотворений, в контексте отдельного стихотворения и т. д. (см. также «лестницу контекстов», пред-

ложенную Е. Г. Эткиндром¹). В данной статье мы обратимся к анализу одного из минимально возможных контекстов, а именно - к анализу сочетаний имени существительного с предлогом.

Объект нашего исследования, чьи семантические свойства в сочетаниях указанного типа мы и будем далее рассматривать, - лексема «зной» в поэтических текстах Ф. И. Тютчева. Несмотря на относительно невысокую частотность (13 употреблений, согласно «Атфавитно-часогному словнику "Словаря языка поэзии Ф. И. Тютчева"»² и «Частотному словарю-конкордансу словоформ языка Ф. И. Тютчева»³), лексема «зной» у Тютчева весьма значима. Выступая в качестве ядерной единицы лексико-семантического поля тепловых температурных лексем, она, например, играет ключевую роль в организации столь важных для тютчевских текстов оппозиций, как «день - ночь», «свет - тьма», «жар - прохлада» и др.

Анализ функционирования тютчевского «зноя» в составе предложно-падежных сочетаний позволяет полнее раскрыть др-

статочно широкий спектр его семантических особенностей. Во взаимодействии имени существительного с предлогом раскрываются как семантические, так и морфолого-синтаксические его свойства, благодаря чему исследование такого взаимодействия, несмотря на минимальность контекста, даст интересный сразу в нескольких аспектах результат.

Полезным вспомогательным средством для контекстуального анализа (и в первую очередь для анализа микроконтекстов) является словарь-конкорданс, где уже исчислены все употребления каждой из лексических единиц языка поэта. С помощью специально написанной программы нами был составлен подобный словарь - «Частотный словарь-конкорданс словоформ языка Ф. И. Тютчева»⁴. В этом словаре представлены все словоформы, встречающиеся в полном собрании стихотворений Тютчева, с указанием их частотности и тех контекстов (строк), в которых они употреблены (словарь доступен в Интернете). От известного конкорданса Б. А. Билокура наш словарь⁵, помимо своей гипертекстовой формы, отличается следующими чертами:

- Он сделан на материале другого издания стихотворений Тютчева. Если основой для конкорданса Билокура послужило издание «Библиотеки поэта» 1957 т., подготовленное К. В. Пигаревым⁶, то текстовая основа нашего словаря - издание «Библиотеки поэта» 1987 г., подготовленное А. А. Николаевым⁷.

- Входные единицы нашего словаря - это не лексемы, а словоформы (мы сознательно не стали заниматься их лемматизацией, поскольку для решения наших задач удобнее работать со словарем словоформ).

- Объем контекста, приводимого для иллюстрации употребления словоформы, в нашем словаре всегда одинаков и равен одной поэтической строке; в конкордансе же Билокура иллюстративные контексты, как правило, более обширны (любопытно здесь привести критическое заме-

чание В. С. Баевского, высказанное в адрес конкорданса Билокура как раз по этому поводу: «Из-за малого объема тютчевского поэтического наследия составитель (Б. А. Билокур. - А. Б.) имел возможность приводить обширные цитаты, сохраняя относительную компактность конкорданции, однако целесообразность такого решения представляется сомнительной. В каждом случае весьма нелегко решить, какой объем контекста является "полным". Думается, например, что "полным контекстом" для слова "молчанье" является все поэтическое наследие Тютчева»⁸).

На основе материалов конкорданса прежде всего определим номенклатуру грамматических форм лексемы «зной» у Тютчева, после чего установим круг тех предложно-падежных сочетаний, в которые она входит (т. е. опишем ее дистрибуцию в том объеме, который нам необходим).

С точки зрения реализации морфологической категории числа «зной» относится к лексемам с неполной парадигмой: падежные формы множественного числа у него отсутствуют. В этом отношении тютчевские тексты не нарушают общезыковую закономерность, во всех случаях «зной» у Тютчева употребляется в единственном числе. Мы обращаем внимание на этот момент, так как потенциально использование множественного числа «зноя» в поэтическом тексте возможно, ср. стихотворные строки, хронологически принадлежащие трем разным эпохам: «Хотя бы возлежал на розах, / Но в бурях, зноях и морозах / Готов он с лона неги встать»⁹ (Г. Р. Державин. Ршемыслу, 1783), «Никто. И мы опять закружим / По затемняющим кругам, / Отдавши тело зноям, стужам, / Губам, объятьям и костям...»¹⁰ (В. Ф. Ходасевич. Мы мерзостью постыдно-рьяной... 1906), «Л предался загадке холодных зноев...»¹¹ (А. Авангардный. Я предался загадке холодных зноев... 2005).

Лексема «зной» встречается у Тютчева во всех формах единственного числа за ис-

ключением дательного падежа. При этом по числу употреблений падежные формы практически равноправны: именительный падеж - 2, родительный падеж - 4, винительный падеж - 3, творительный падеж - 1, предложный падеж - 3. Таким образом, в данном аспекте мы не можем указать на какие-либо особо маркированные, ярко выделяющиеся из общего ряда словоформы. В качестве контрастного примера у Тютчева можно привести лексему «светило», из тринадцати употреблений которой (число употреблений совпадает с числом употреблений «зной») девять приходятся на формы именительного падежа¹².

Интересно, что если мы обратимся к корпусу языка XIX в. (используя для этого «Национальный корпус русского языка»¹³ - задав в нем нужный подкорпус), то заметим некоторые параллели в частотном распределении падежных форм «зной» между представленными в нем данными и данными тютчевских текстов:

Подкорпус языка XIX в.		Стихотворения Ф. И. Тютчева	
Падежная форма	Число документов	Падежная форма	Число документов
Вин. п.	55	Род. п.	4
Род. п.	53	Вин. п.	3
Им. п.	41	Предл. п.	3
Тв. п.	31	Им. п.	2
Предл. п.	20	Тв. п.	1
Дат. п.	3	Дат. п.	0

Во-первых, обращает на себя внимание крайне малый процент форм дательного падежа в корпусе и соответствующее ему полное отсутствие таких форм в стихотворениях Тютчева. Во-вторых, самые частотные формы в корпусе (формы винительного и родительного падежей) оказываются в числе наиболее частотных и у Тютчева. В-третьих, наблюдается и определенная закономерность в распределении частот форм именительного и творительного падежей: как в корпусе, так и в тютчевских текстах творительный падеж следует по частоте за именительным, а оба они уступают по час-

тоте родительному/винительному падежам и опережают дательный.

По большому счету на материале стихотворений Тютчева наблюдается лишь одно существенное отступление от данных корпуса языка XIX в.: форма предложного падежа, ниже которой по частотности в корпусе стоит лишь дательный падеж, у Тютчева куда более значима - она делит второе-третье места с винительным падежом. Причем все три употребления формы предложного падежа в тютчевских текстах - это употребления в составе предложно-падежного сочетания «на зное» (подробнее о котором мы будем говорить ниже).

В общей сложности в десяти из тринадцати рассматриваемых контекстов лексема «зной» используется Тютчевым в составе предложно-падежных сочетаний. Помимо уже упомянутого сочетания «на + предт. п.» Ори употребления), к их числу относятся «от + род п.» (три употребления), «в + вин. п.» (три употребления) и «под + тв. п.» (одно употребление, в стихотворении «Играй, покуда над тобою...»: «Но, может быть, под зноем лета / Ты вспомнишь о своей весне...» [207]¹⁴). Далее в этой статье мы перейдем к анализу двух сочетаний, наиболее, на наш взгляд, интересных с точки зрения их семантических особенностей: «отзпоя» и «на зное».

Лексема «зной» в сочетании с предлогом «от» используется Тютчевым в трех текстах, достаточно далеких друг от друга по времени написания - каждый последующий текст отделяет от предыдущего примерно двадцать лет: «Летний вечер», <1828>: «Не остывшая от зною...», 1851; «А. В. Пл<етпе>вой» («Чему бы жизнь нас ни учила...»), 1870. Тем не менее, несмотря на такие временные интервалы, семантически эти три употребления очень близки, прежде всего если иметь в виду то смысловое наполнение, которое они приобретают в конкретных текстах.

В целом, если говорить об общеязыковой семантике, сочетание «от зной» служит для выражения двух основных значений:

• во-первых, каузативного значения («от зноя» = «по причине зноя»), ср.: «Ездок, с лицом, как на огне / *От зноя* дневного горевшим»¹⁵;

• во-вторых, значения источника негативного воздействия, от которого необходимо укрыться, спрятаться, освободиться, ср.: «В тени олив твоих приютных, / Сложивши ношу, отдохну / *От зноя* близ тебя»¹⁶.

Во втором значении также присутствует некоторый каузативный оттенок (например, в процитированных строках «зной» фактически выступает как причина, побуждающая героя к отдыху), однако это ни в коей мере не приводит к смешению данного значения с первым - дифференциация указанных значений не вызывает сложностей.

Отметим, что в «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой первое из названных нами значений характеризуется как «внешний каузатив - обозначение воздействующих на субъекта явлений природы, различных обстоятельств, чужих действий и свойств»¹⁷ (ср.: один из иллюстративных примеров, особенно актуальных в контексте нашей работы: «И стали уж сохнуть *от знойных лучей* Роскошные листья и звучный ручей (Лермонтов)»¹⁸), второе же - как «потенсив», «нежелательное или угрожающее действие, явление»¹⁹ («Нет *от дождя спасенья* никому (А. Сурков)»²⁰).

В стихотворениях Тютчева реализуются оба основных языковых значения сочетания «на зное». Потенсивная семантика представлена в «Летнем вечере» («Грудь дышит легче и вольней, / Освобожденная от зною» [79]) и в «Не остывшая от зною...» («Не остывшая от зною, / Ночь июльская блистала...» [179]), каузативная - в «А. В. Пл<етне>вой» («И от полуденного зноя / Роса не высохнет на них» [256]).

Обратим внимание, что разная семантика выражается здесь посредством разных падежных окончаний (вариантных форм родительного падежа): если в первых двух текстах мы видим окончание «-ю»,

то в «А. В. Пл<етне>вой» -- «-я». Данные «Национального корпуса русского языка» не подтверждают наличия такой связи между падежными вариантами и их семантикой в языке в целом. Более того, во всех примерах, выдаваемых корпусом, «от зною» связано с выражением не потенсивной, как у Тютчева, а, напротив, каузативной семантики, ср.: «Все жаждет, истомясь от зною; Все вопиет: дождя, дождя»²¹ (Д. В. Григорович. Город и деревня). Следует сказать, что всего на запрос «от зною» корпус выдает шесть документов, в то время как на запрос «от зноя» - сто двадцать. Причем хронологически самый поздний из тех текстов, где автором было бы использовано сочетание «от зною», относится к 1902 г. Эти факты указывают на архаичный и относительно маргинальный характер варианта «от зною» и прежде всего варианта «от зною» с потенсивной семантикой... того, который мы находим в стихотворениях Тютчева.

Не последнюю роль в выборе Тютчевым той или иной вариантной формы играет, вероятно, специфика поэтического текста. Во всех трех стихотворениях «зной» занимает позицию рифмы - таким образом, на форму «зноя» до определенной степени может влиять и форма рифмующегося с ним слова. Интересно при этом, что посредством рифменных связей как «от зною», так и «от зноя» связаны у Тютчева с «землей». Если «от зною» в обоих случаях рифмуется с «землею» («Не остывшая от зною, / Ночь июльская блистала... / И над тусклою землею / Небо, полное грозою, / Всё в зарницах трепетало...», «Не остывшая от зною...»; «Река воздушная полней / Течет меж небом и землею, / Грудь дышит легче и вольней, / Освобожденная от зною», «Летний вечер»), то «от зноя» - с «земное» («И увядание земное / Цветов не тронет неземных, / И от полуденного зноя / Роса не высохнет на них», «А. В. Пл<етне>вой»).

Тожественность рифм в «Летнем вечере» и в «Не остывшая от зною...» является одним из факторов, формирующих единую

модель мира этих стихотворений. В числе других таких факторов: темпоральная близость (конец вечера/начало ночи, лето/июль); общие пространственные рамки (важнейшее значение «неба» и «земли» в обоих стихотворениях); ощущение присутствия некой высшей силы, вводимое в сильных позициях текстов -- в концовках («И сквозь беглые зарницы / Чьи-то грозные зеницы / Загорались порою...», «Не остывшая от зною...»; «И сладкий трепет, как струя, / По жилам пробежал природы», «Летний вечер»).

Вместе с тем «Летний вечер» и «Не остывшая от зною...», в сущности, представляют собой стихотворения-антонимы (как и в случае лексической антонимии, различное здесь вырастает на базе общего, дифференциальные семантические компоненты не могут существовать без интегральных).

В «Летнем вечере» изображена картина «освобождения от зноя»: после того как «...солнца раскаленный шар / С главы своей земля скатила» и т. д., «Грудь дышит легче и вольней, / Освобожденная от зною». Избавление от зноя, которое оценивается безусловно положительно, дает лирическому субъекту чувство свободы, легкости; вся природа наслаждается наступившей прохладой: «...сладкий трепет, как струя, / По жилам пробежал природы, / Как бы горячих ног ее / Коснулись ключевые воды» («ключевые», т. е. в том числе и «холодные»). Во втором же стихотворении ночь предстает как «не остывшая от зною» (= «не освобожденная от зною»). В результате «светлые звезды», «легкость» или «сладкий трепет» оказываются здесь недопустимы (в данной поэтической модели мира они не могут соседствовать со «знюем»), их место занимают «тусклая земля», «тяжкие ресницы», «грозные зеницы». Немаловажно, что выражение «не остывшая от зною» вынесено автором в инициальную строку, оно задает необходимое направление для восприятия и понимания текста.

«Зной» в стихотворении «А. В. Пл<етне>вой» также наделен негативными коннотациями, он стоит в одном ряду с «увяданием» и противопоставляется «искусдегущей силе» и «нетленной красе» («чудесному»): «Чему бы жизнь нас ни учила, / Но сердце верит в чудеса: / Есть исскудеющая сила, / Есть и нетленная краса. // И увядание земное / Цветов не тронет неземных, / И от полуденного зноя / Роса не высохнет на них». Можно сказать, что мотив «освобождения от зноя» присутствует и в этом тексте («чудесный мир» -- это мир без «зноя»), однако тут он не связан напрямую с семантикой сочетания «от зноя». В «А. В. Пл<етне>вой» семантика «от зноя», как мы уже отмечали, не потенсивная, но каузативная: «от зноя не высохнет роса» = «зной не сможет явиться причиной высыхания росы».

Кроме стремления описать «мир без згоя», стихотворения «А. В. Пл<етне>вой» и «Летний вечер» роднит еще один интересный момент. В обоих этих текстах «зной» / «жар» противопоставляется «воде», «влаге». Особегно ярко данное противопоставление заметно в «Летнем вечере», где оно проходит через все четыре строфы (в «А. В. Пл<етне>вой» же оно раскрывается через единственную оппозицию -- «згоя» и «росы»). В первой строфе «Лешего вечера» «морская волна» поглощает «вечера пожар», во второй -- звезды «своими влажными главами» приподнимают тяжелый («тяготеющий над нами») небесный свод (а тяжесть ассоциируется как раз со «знюем»), в третьей -- «Река воздушная полней (после освобождения от «зноя». -- А. Б.) / Течет меж небом и землею» (использование лексемы «река» включает и «воздушную реку» в общий ряд образов, связанных с «водой»), наконец, в четвертой строфе, «ключевые воды» касаются «горячих ног природы».

Мысль о противопоставлении «зноя» и «влаги» (и шире -- хаотического и гармонического начал) у Тютчева высказывал и

В. Н. Топоров в своей статье «О "поэтическом" *зной*, *ском*» *компаративной лингвистики* и его психофизиологических основах»: «Тютчева томит, удручает, вызывает уныние, тоску, изнеможение, раздражение, некую брезгливость и другие отрицательные эмоции... аморфность или всеобщая слабая структурированность пространства, недостаток организующего начала в нем. <...> Таким же негативным фактором оказывается *зной* как неопределенное иррационально-хаотическое начало, нарушающее космическую гармонию. И, напротив, «положительны»... эмоции, связанные с четкой организацией пространства, жесткостью и ясностью граней, контрастностью, многоцветностью, яркостью, блеском, энергичным движением, ритмизованностью и гармонизованностью. Свежесть, прохлада, влага, роса, дождь, гроза - живительные начала, противоположные *зною*»²².

Помимо прочего, для нас значимо, что среди природных явлений, противоположных «*зною*», В. Н. Топоров называет «грозу». Как раз описание момента перед началом грозы мы видим в стихотворении «Не остывшая от *зною*...» («Небо, полное грозою...»). «Гроза» у Тютчева это одна из тех сил, которые несут с собой избавление от «*зноя*». Показателен образ прошедшей ночной грозы в стихотворении «Утро в горах» (<1829>): «Лазурь небесная смеется, / Ночной омытая грозой, / И между гор россисто вьется / Долина светлой полосой» [81]. Здесь нет прямого указания на то, что этой грозе тоже предшествовал «*зной*», однако здесь есть важное слово-маркер, семантика которого (или однокоренных ему слов) регулярно противопоставляется у Тютчева «*зною*». Это слово-маркер «росистый». «Росу» мы уже видели в «А. В. Пл<етне>вой», приведем и другие примеры:

• «Пошли, господь, свою отраду / Тому, кто в летний жар и *зной*...» <=> «...пыль *росистая* фонтана / Главы его не осенит» [164-165] («Пошли, господь, свою отраду...», 1850).

• «На мне, я чувю, тяготее / Вчерашний <=> «О ночь, ночь, где твои покровы, / Твой тихий сумрак и *роса*» [125] («Как птичка, с раннею зарей...», <1835>).

• «Как ни дышит полдень *знойный* / В растворенное окно...» <=> «Здесь фонтан неутомимый / День и ночь поет в углу / И кропит *росой* незримой / Очарованную мглу» [166] («Как ни дышит полдень *знойный*...», 1850).

Кроме того, нужно отметить, что ожидание «грозы», происходящее на фоне картины «*зноя*», изображается Тютчевым не только в «Не остывшая от *зною*...», но и в еще одном стихотворении - «В душном воздуха молчанье...» (<1835>): «В душном воздуха молчанье, / Как *предчувствие грозы*, / Жарче роз благоуханье. <...> Некий жизни преизбыток / В *знойном* воздухе разлит!» [124] «*Зной*» метафорически уподоблен здесь чувствам человека, «палящей страсти» («Что так грудь твою спирает / И уста твои палит?..»), которая сменяется «слезами» / «грозой» («Сквозь ресницы шелковые / Проступили две слезы... / Иль то капли дождевые / Зачинающей грозы?..»).

Таким образом, на наш взгляд, хотя в «Не остывшая от *зною*...» мы не видим результата освобождения от *зноя* («мира без *зноя*»), мы тем не менее видим начало процесса этого освобождения.

В целом, разделяя идеи В. Н. Топорова, высказанные им в приведенной выше цитате, мы, однако, хотели бы внести одно уточнение: «*зной*» у Тютчева не всегда является негативным фактором. Назвать его однозначно негативным нельзя, например, в упомянутом «В душном воздуха молчанье...». Пример же «*зноя*», вызывающего у лирического субъекта исключительно положительные эмоции, можно найти в одном из стихотворений, где используется сочетание «на *зное*».

В общей сложности сочетание «на *зное*» встречается у Тютчева три раза в двух текстах: один - в «Снежных горах» (<1829>) и

два · в стихотворении «В небе тают облака. ...» (1868). С точки зрения общезыковой частотности «на зное» - значительно более редкое сочетание, чем «от зноя». Так, «Национальный корпус русского языка» на запрос «на зное» выдает всего три документа. А в довольно представительном поэтическом подкорпусе «Национального корпуса русского языка», куда входят произведения ряда авторов первой половины XIX в., находится лишь два его употребления (если не считать уже названных нами текстов Тютчева) в строках стихотворений А. И. Полежаева «Кольцо» (1825-1829) («Печально, быстро вянут розы / На зное летнем без росы») и И. А. Бунина «Купальщица» («И горяча тропа на зное / По виноградникам сухим»). В этом свете три тютчевских употребления выглядят куда более весомо.

В обычном случае пребывание «на зное» оценивается в текстах (не тютчевских, но вообще) фактически как испытание - борьба со зноем, а в семантике самого «зноя» отчетливо выделяются такие характеристики, как «иссушающий», «изнурительный» и т. д. Помимо процитированных строк Полежаева о вянущих на зное розах, приведем пример из прозаического художественного текста - «Аммалат-бека» А. А. Бестужева-Марлинского: «...Избалованный холею, он (речь идет о коне. - А. Б.) не мог выдержать двухдневного побега на зное солнца»²³. Ряд колоритных примеров со схожей семантикой есть и в словаре Даля: «пороскисли вес на зное»²⁴ («раскиснуть» у Даля - это в том числе «ослабеть от жару, зною»²⁵), «весь день пекся на зное, все коня искал»²⁶ («солнце печет» - «палит, жарит, невыносимый зной»²⁷) и др. Однако в случае сочетания «на зное» у Тютчева негативные коннотации либо полностью отсутствуют («В небе тают облака...»), либо частично отступают на второй план («Снежные горы»).

Выражение «на зное» у Тютчева в двух употреблениях из трех связано с реализацией семантики «яркого света, блеска». В стихотворении «В небе тают облака...

«на зное» начинает «искриться» и «лучиться» река («зной» выполняет функцию каузатора): «...лучистая на зное, / В искрах катится река <...>» [239]; в «Снежных горах» «па зное» «блещут камни»: «...с камней, блещущих на зное, / В родную глубь спешат ручьи...» [81]. Семантика «зноя» в приведенных сфоках двухпланова: с одной стороны, «зной» сохраняет здесь свое базовое значение - «сильного жара», с другой - это значение дополняется и до некоторой степени вытесняется световым значением, более характерным для «солнца», нежели для собственно «зноя».

В этой связи важно отметить, что объекты в стихотворениях Тютчева «искрятся» и «блещут» не только «на зное», но и «на солнце»: «На солнце искрились штыки» [186] («Неман», 1853), «струя... на солнце нежась, блещет» [123] («Что ты клонишь над водами?..», <1835>). Вместе с тем, «зной» в сочетании «на зное» оказывается у Тютчева более мощным источником света, чем «солнце» в сочетании «на солнце», - высокая интенсивность проявления признаков, присущая «зною» в его температурном аспекте, дает о себе знать и в аспекте световом.

Кроме того, в сочетании «на зное» отчасти реализуется и локативная семантика («на зное» = «на солнцепеке», а согласно словарю Даля, например, «солнцепек» - это «...место, с которого солнце во весь день не сходит, жарит, печет, зиоит (курсив наш. - А. Б.)»²⁸). «Синтаксический словарь» Г. А. Золотовой классифицирует сочетания типа «на солнце» и «на морозе» как синтаксемы со значением ситуатива; иначе говоря, как синтаксемы, обладающие значением «внешней ситуации... определяющей состояние субъекта»²⁹. Такое емкое определение (под которое, конечно, подпадает и «на зное») обусловлено как раз достаточно сложной семантической структурой подобных сочетаний.

Интересно, что в тех же строках, где употреблено сочетание «на зное», мы находим и нигде более Тютчевым не использо-

мый образ «стального зеркала»: «В искрах катится река, / Словно зеркало стальное...» («В небе тают облака...») и «Внизу, как зеркало стальное, / Синюют озера струи» («Снежные горы»). В обеих строфах «стальное зеркало» входит в состав сравнительного оборота и в обеих строфах с ним сравнивается водоем. Подобное сравнение характеризует водоем прежде всего как «светлый, отражающий свет» (ср. у А. А. Фета: «Река раскинулась как море, / Стального зеркала светлей», «Опять незримые уси-³⁰ля...»), таким образом, можно отметить, что общая световая картина знойного дня получается у Тютчева чрезвычайно насыщенной.

Третье употребление «на зное» у Тютчева - в сочетании с глаголом «дышать»; в последней строфе стихотворения «В небе тают облака...» «на зное» «дышат поля»: «Чудный день! Пройдут века - / Так же будут, в вечном строе, / Течь и искриться река / И поля дышать на зное». Данная строфа подводит итог стихотворению и выводит сказанное в первых двух строфах на вневременной уровень («Пройдут века - / Так же будут...»). Третья строка здесь соотносится с первой строфой текста, а четвертая - со второй, в которой и задается содержание образа «дышащих на зное полей»: «Час от часу жар сильней... / И с белеющих полей / Веет запахом медовым».

Помимо «В небе тают облака...», «зной» и «дыхание» совместно встречаются у Тютчева еще в двух текстах - в «Полдне» (< 1829>) и в «Как ни дышит полдень зной-

ный...» (1850). И в каждом из этих стихотворений смысловое наполнение «зной» при безусловном наличии схожих черт несколько отличается. Общее в «Полдне» и в «Как ни дышит...» - образ «дышащего знойного полдня», а также оппозиция «зной» и «темноты, прохлады, покоя». Однако если в «Полдне» больший акцент сделан на первом члене данной оппозиции - «зное», то в «Как ни дышит...» на втором (и хотя «знойный полдень» изображен здесь как более активная и негативная сила, чем в «Полдне», где он «лениво дышит» [82], но его воздействие на текстовый мир оказывается меньшим). «Зной» же в стихотворении «В небе тают облака...» не связан непосредственно с семантикой «полдня», а «знойный день» оценивается здесь полностью положительно - как «чудный день» (тем не менее «В небе тают облака...» и «Полдень» очень близки, что подтверждается и наличием у них ряда прямых текстовых переключек: «В искрах катится река» - «Лениво катится река», «В небе тают облака» - «В лазури пламенной и чистой / Лениво тают облака»).

В заключение нашей работы еще раз подчеркнем, что анализ функционирования лексем в составе даже самых минимальных сочетаний позволяет выявить их существенные семантические свойства и более полно представить круг их ближайших семантических связей. Обращение к такому анализу в конечном итоге приводит к открытию важных закономерностей на уровне не только микро-, но и макроконтракста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эткинд Е. Г. Материя стиха. Париж, 1985. С. 241.

² Атаманова Н. В., Голованевский А. Л. Алфавитно-частотный словник «Словаря языка поэзии Ф. И. Тютчева» // Проблемы авторской и общей лексикографии: Материалы международной научной конференции. Брянск, 2007. С. 244.

³ Частотный словарь-конкорданс словоформ языка Ф. И. Тютчева [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://rathenia.ra/tiutcheviana/stihi/rreq/freq.html>

⁴ Там же.

⁵ Bilokur В. A Concordance to the Russian Poetry of Fedor I. Tiutchev. - Providence, 1975.

⁶ Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Л., 1957.

⁷ Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Л., 1987.

⁸ *Баевский В. С.* Справочные труды по поэзии Пушкина и его современников // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1991. Вып. 24. С. 71.

⁹ *Державин Г. Р.* Стихотворения. Л., 1957. С. 108.

¹⁰ *Ходасевич В. Ф.* Мы мерзостью постыдно-рьяной... [Электронный ресурс]. -- Режим доступа: <http://www.poetrus.by.rU/188/188s-9.htm#20>

¹¹ *Авангардный А. Я.* предался загадке холодных зноев... [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.stihi.ru/poems/2005/10/01-248.html>

¹² Частотный словарь-конкорданс словоформ языка Ф. И. Тютчева [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://ruthcna.ru/tiutcheviana/stihi/freq/freq.html>

" Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://vwww.ruscorpora.ru/>

¹⁴ Здесь и далее все тексты Ф. И. Тютчева приводятся с указанием номера страницы в скобках по изданию: *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений/Сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева. Л., 1987.

¹⁵ *Жуковский В. А.* Пери и ангел // Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 265.

¹⁶ *Жуковский В. А.* Путешественник и поселанка // Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 338.

¹⁷ *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988. С. 82.

¹⁸ Там же. С. 83.

¹⁹ Там же. С. 84.

²⁰ Там же. С. 85.

²¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>

²² *Топоров В. Н.* О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах// Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 597—598. За указание на эту цитату благодарим Бориса Орехова.

²³ Национальный корпус русского языка.

^u *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1990-1991. Т. 3. С. 315.

²⁵ Там же. Т. 4. С. 61.

¹⁶ Там же. Т. 3. С. 108.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 432.

²⁹ *Золотова Г. А.* Указ. соч. С. 432.

³⁰ *Фет А. А.* Избранное. Смоленск, 2000. С. 97.